что всякія pia desiderata о возрожденіи церковной живописи будутъ просто диллетантскими упражненіями до тѣхъ поръ, пока пресловутый „параличъ“ нашей церкви будетъ сковывать и отдѣльную отрасль нашей церковной жизни—наше церковное искусство. Л. Н. Бенуа совѣтуетъ обратиться къ изученію русско-византійской живописи въ Ростовѣ и Ярославлѣ, но,вѣдь,эта живопись теперь лишь „интересный“, но давнымъ-давно пройденный въ народномъ сознаніи этапъ русскихъ религіозныхъ чувствованій. Изученіе ихъ, разумѣется, не мѣшаетъ, какъ не мѣшаетъ изученіе всего того, что прекрасно. Въ техническомъ же отношеніи эти-Ростовскія фрески, дѣйствительно, могли-бы научить многому. Но неужели вся эта любопытная, но грубоватая, истинно „мужицкая“ мистика еще годится для церквей нашего времени? Я совершенно не отрицаю возможность „молиться“ въ тѣхъ почтенныхъ историческихъ храмахъ. Но развѣ они—какіе-то абсолюты храмовъ? Развѣ мы не чувствуемъ въ себѣ броженіе иного идеала храма божьяго, развѣ мы не продвинулись дальше отъ тѣхъ темныхъ современниковъ тишайкаго царя?—Добро-бы, впрочемъ, если-бы мы умѣли хотя-бы точно копировать это мужицкое, но искреннее искусство. Нѣтъ, самое милое въ немъ пугаетъ наше церковное начальство и, если-бы Васнецовъ рѣшился воспроизвести на стѣнахъ Владимірскаго собора или хотя-бы въ дальнемъ „Гусѣ“ всю ту мистическую фантасмагорію, которымъ заполнены сплошь стѣны Ростовскихъ церквей, то онъ-бы давнимъ давно сидѣлъ-бы въ сумасшедшемъ домѣ, а эти его картины были-бы съ негодованіемъ замазаны, какъ вводящія въ духовной соблазнъ.

Нѣтъ, не время теперь говорить о возрожденіи церковой стѣнописи. Сумерки религіознаго сознанія нисколько не прояснились. Пока же въ самой церкви не получится живое отношеніе къ искусству, нечего ожидать, чтобы живое искусство зацвѣло-бы на стѣнахъ нашихъ храмовъ. А лишь *живое* церковное искусство интересно и драгоцѣнно. Не мало людей среди нашего духовенства знаютъ западную церковную живопись, любуются хотя-бы въ гравюрахъ и фотографіяхъ Сикстинской Мадонной и Страшнымъ Судомъ Микель-Анжело — этими огромными словами, произнесенными въ началѣ „новаго періода“ исторіи человѣчества. Русская церковь, которая могла-бы сказать дальнѣйшія и, быть можетъ, болѣе значительныя слова (сказала-же ихъ русская литература!) на стѣнахъ своихъ храмовъ, замерла въ своей косности и удовольствовалась сначала неумѣлымъ повтореніемъ тѣхъ „западныхъ“ словъ, а теперь круто повернула къ своимъ византійскимъ пеленкамъ и знать больше ничего не хочетъ, кромѣ переложенія на новый ладъ этихъ устарѣлыхъ формулъ. Сами эти формулы въ своей древней строгости и убѣжденности все еще очень хороши, но легкомысленныя, пустыя, жалкія „переложенія“—прямо внушаютъ отвращеніе. Это та мерзость запустѣнія, которой не подобаетъ быть въ мѣстѣ святомъ. Писать-ли эти переложенія фресками или Кеймскими красками—совершенно безразлично. Ихъ вовсе не слѣдуетъ писать, а слѣдуетъ писать то, что по теперешнимъ условіямъ нельзя писать. Для того, чтобы возродилась наша церковная живопись, требуется чтобъ это нельзя было устранено.

А. Б.

МЕТЕРЛИНКЪ НА СЦЕНѢ ХУДОЖЕСТВЕННАГО ТЕАТРА.

Сжальтесь надъ тѣми, кто не видитъ! Этотъ крикъ, обращенный въ темноту,—въ пустоту, можетъ быть,—этотъ мракъ „нашего дома, котораго мы никогда не видали“, ужасъ нашего одиночества, слѣпоты, безумія невозможности помочь себѣ и другимъ, все, что встало передъ Метерлинкомъ въ образахъ слѣпыхъ, заблудившихся ночью среди камней и болотъ—все прошло передъ зрителями на сценѣ художественнаго театра съ мучительной, повышенной реальностью галлюцинацій.

Эти образы могутъ—и даже должны показаться неестественными, придуманными, просто страшными, или просто скучными—какъ это слышалось въ публикѣ и въ нѣкоторыхъ газетахъ, если непонятно то, о чемъ говоритъ Метерлинкъ.

Для русской „большой“ публики, да и не только для русской (въ Парижѣ и въ Вѣнѣ эти пьесы тоже имѣли слабый успѣхъ)—это чуждая область.

Пробуждено любопытство къ ней, иногда взволнованное, тревожное какъ предчувствіе, что настанетъ часъ, когда отъ теплаго камина придется выйти на берегъ океана и потерять дорогу къ убѣжищу.

Но чаще это—дѣтское любопытство ко всему новому, что безъ разбору смѣшивается въ одно слово „декадентство".

Это такая огромная темная сила непониманія, передъ которой жутко должно быть сидѣть на темномъ островѣ и говорить о самомъ важномъ и самомъ страшномъ въ жизни.

Когда выходитъ на сцену собака, слышится смѣхъ, когда увеличивается темнота, раздается шопотъ:

— Предупреждали-бы зрячихъ, чтобы приносили съ собой фонари.—

Въ антрактахъ жалоба на скуку, на нарушеніе драгоцѣннаго равновѣсія нервовъ...

Публика увѣрена, что темнота на сценѣ устроена для того, чтобы угнетающе подѣйствовать на ея нервы и считаетъ это посягательствомъ театра на ея здоровье.

Но въ Метерлинковской ремаркѣ къ „Слѣпымъ" стоитъ „глубокій мракъ"—и какъ бы авторъ обошелся безъ мрака на сценѣ тамъ, гдѣ хотѣлъ говорить только о немъ.

Изъ темноты, которая сначала кажется непроницаемой, понемногу выступаетъ дикій, мрачный лѣсъ, столѣтнія деревья и подъ ними слѣпые.

Темные, пугающіе однообразіемъ линіи стволовъ—вершины деревьевъ не видны,—сливающіяся съ камнями очертанія одинокихъ человѣческихъ фигуръ, („Мы не можемъ прикоснуться другъ къ другу!"), таинственный пугающій шопотъ невѣдомаго лѣса и близкаго, но невидимаго моря,—таковъ міръ символовъ, окружающій на сценѣ слѣпыя человѣческія души.

И какъ странно звучитъ въ этомъ мірѣ жалоба слѣпого:

— Сжальтесь надъ тѣми, кто не видитъ!

Аббатъ, который выслушивалъ жалобы—мертвъ. Небо, какъ всегда, безотвѣтно. И вокругъ, такіе же потерявшіе путь голодные измученные слѣпые.

— Что бы любить, надо видѣть, говоритъ слѣпой старикъ.

— Что бы плакать, надо видѣть...

Поэтому плачетъ среди нихъ только одна безумная слѣпая, которой безуміе по временамъ открываетъ хоть на мигъ глаза, вѣчно закрытые у неспособныхъ къ безумію (объ этой слѣпой говорятъ ея товарищи, что „иногда она видитъ"). Плачетъ также маленькій ребенокъ безумной, родившійся зрячимъ.

Надо прибавить, что оба они плачутъ такъ хорошо, какъ то рѣдко бываетъ на сценѣ.

Страданіе все нарастаетъ. Психологія его постепеннаго нарастанія, выражающаяся у Метерлинка въ маленькихъ восклицаніяхъ: я голоденъ, холодно! Дуетъ сѣверный вѣтеръ! звѣздъ уже нѣтъ... передана артистами съ неуловимой тонкостью правды.

Все то же самое—холодъ, голодъ, темнота, но близится предѣлъ человѣческому терпѣнію.

Когда пролетаетъ ночная птица, и слѣпые вскрикиваютъ (вскрикиваніями истерическаго характера они между прочимъ, немного злоупотребляютъ) хочется чтобъ это былъ какой нибудь исходъ, хотя-бы гибельный.

Но самыя страшныя трагедіи, страшны именно тѣмъ, что не разрѣшаются во время катастрофой.

Растетъ холодъ, голодъ, сознаніе ужаса быть слѣпымъ, увеличенное знаніемъ, что вожатый уже не вернется.

И все также шуршатъ вокругъ листья, также шумитъ море. Потомъ восходитъ солнце — но слѣпые не видятъ солнца.

Они возлагаютъ послѣднія надежды на маленькаго ребенка, сына безумной. Онъ спасетъ ихъ —онъ видитъ... Но что именно онъ видитъ, остается неизвѣстнымъ. Онъ настолько еще малъ, что не умѣетъ говорить. И пьеса заключается все тѣмъ же напраснымъ человѣческимъ воплемъ.

Сжальтесь надъ тѣми, которые не видятъ!

Юная слѣпая г-жа Германова „прекрасная, какъ женщина, которая приходитъ издалека", проводитъ послѣднюю сцену, когда она протягиваетъ ребенка къ восходящему солнцу, съ восторгомъ свершившагося чуда, но чуда, вѣдь, не свершилось.

За этимъ мгновеніемъ вспыхнувшей надежды по авторскому примѣчанію „ребенокъ плачетъ съ бо́льшимъ отчаяніемъ".

Ансамбль даетъ впечатлѣніе стройно сыгранной симфоніи. Постановка, какъ всегда въ ху-

дожественномъ театрѣ совершена съ тонкостью вкуса, обдуманностью и любовью.

Такіе недочеты, какъ слишкомъ явно сдѣланный изъ папье-машэ мертвый аббатъ или стая связанныхъ между собою птицъ, тонутъ въ общей красотѣ исполненія и не могутъ уменьшить цѣнность общей огромной художественной работы.

Вторая пьеса—„Непрошенная“ (L'Intruse). Въ слѣпыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ—тайна жизни. Въ „Непрошенной“—тайна смерти.

Смерть бродитъ около дома, гдѣ лежитъ больная, о которой родные ея думаютъ, что она близка къ выздоровленію. Всѣ спокойны, только старый, слѣпой дѣдъ одинъ слышитъ шаги приближающагося призрака и незрячими глазами, отвращенными отъ того, что мѣшаетъ видѣть зрячимъ, вглядывается въ образъ смерти, подстерегающей свою жертву. Онъ полонъ не предчувствіемъ, а увѣренностью, что съ его дочерью должно что-то случиться.

Томленіе и напряженная работа души, всматривающейся въ тѣ бездны, гдѣ Рокъ подстерегаетъ человѣка, переданы артистомъ Качаловымъ съ правдой и силой большого таланта.

Не легка художественная задача—передать въ живомъ образѣ не типъ и не индивидуальныя свойства лица, а тайну его души, ту глубину, которой она соприкасается съ „мірами иными“, откуда рѣдко посылается вѣсть на поверхность, освѣщенную сознаніемъ.

Въ этой пьесѣ, какъ и во всѣхъ пьесахъ Метерлинка, кромѣ Монны-Ванны, дѣйствующія лица не люди, не характеры, а человѣческія души.

Имъ нуженъ только минимумъ внѣшнихъ особенностей—полъ, возрастъ, красота, некрасивость, грубость или утонченность. Также, какъ въ характерахъ ихъ важна только та или другая степень вѣденія или невѣденія.

Маріонетки въ Метерлинковскомъ театрѣ при художественной постановкѣ дали бы почти то же впечатлѣніе, какъ самая лучшая игра. И, конечно, никакая игра въ данномъ случаѣ не можетъ дать того, что даетъ книга съ ея просторомъ для угадыванія для фантазіи.

Постановка Метерлинка интересна не какъ интерпретація его („душу можно-ль разсказать?“), но какъ особая художественная работа на тему Метерлинковскихъ образовъ. Она неизбѣжно будетъ уже того, что даютъ символы выраженные словами и не заключенные еще въ рамки опредѣленныхъ звуковыхъ и слуховыхъ представленій, но она можетъ быть выполнена съ неожиданными нюансами, съ большей или меньшей стройностью цѣлаго и т. д.

Эта художественная работа на Метерлинковскія темы во второй пьесѣ еще тоньше, еще филигреннѣе, еще вдохновеннѣе, чѣмъ въ первой.

А въ послѣдней пьесѣ „Тамъ внутри“ она достигаетъ чарующей красоты.

На сценѣ опять темнота—неизбѣжное и любимое дѣйствующее лицо у Метерлинка.

Внезапный свѣтъ—и на сценѣ появляется освѣщенный извнутри маленькій домикъ.

Сквозь стекло окна видно, какъ сидятъ за прялками двѣ молодыя дѣвушки. Съ ними ихъ отецъ, мать и маленькій братъ.

Подъ окнами старикъ и „чужой“ совѣщаются о томъ, какъ сказать имъ, что сестра ихъ утонула. Отчего она утонула—неизвѣстно.

— У всякаго есть не одна, а нѣсколько причинъ, чтобы не жить—говоритъ старикъ—въ душѣ не такъ видно, какъ въ комнатѣ... живемъ цѣлые мѣсяцы вмѣстѣ съ человѣкомъ, который давно уже потерялъ всякій интересъ къ этому міру и душа котораго устала унижаться; ему отвѣчаютъ кое какъ, не думая, что онъ полонъ думами и сомнѣніемъ...“ (пер. Суворина). Старикъ не рѣшается войти въ домъ.

Тамъ внутри люди улыбаются и безпечно прядутъ пряжу своей жизни („они слишкомъ вѣрятъ въ эту маленькую жизнь“, съ горечью вырывается у старика).

И они такъ беззащитны противъ несчастія, уже стоящаго у самыхъ дверей, что вѣстникъ горя останавливается, потрясенный ихъ видомъ.

Ему кажется, что онъ видитъ ихъ въ первый разъ, потому что въ первый разъ онъ посмотрѣлъ на нихъ не съ точки зрѣнія ихъ повседневныхъ дѣлъ и отношеній, а какъ на братскія души, обреченныя на ужасъ жизни и ужасъ смерти.

Услышавъ шумъ за стѣной, дѣвушки подходятъ къ окнамъ и смотрятъ извнутри.

Старшая улыбается.

— Она улыбается тому, чего не видитъ, съ ужасомъ говоритъ старикъ.

И мысль о томъ, какія тонкія перегородки

отдѣляютъ насъ отъ безднъ, которыми окружена наша жизнь, рѣетъ какъ нѣчто живое подъ звѣзднымъ небомъ, вокругъ мирно горящей лампы и надъ той дорогой, откуда слышится тихое пѣнье крестьянъ, несущихъ утопленницу.

Внучки старика, Марѳа и Марія, также не находятъ въ себѣ силъ предупредить семью подруги. Человѣческое горе постигается ими впервые во всей глубинѣ своего значенія.

До этой минуты онѣ, какъ и всѣ почти люди, жили въ стѣнахъ своей маленькой жизни и не думали о томъ, что за предѣлами стѣнъ.

Старикъ входитъ въ домъ только тогда, когда процессія уже совсѣмъ приближается.

То, что происходитъ въ этотъ мигъ за стеклами оконъ, по словамъ старика „уже не относится къ этой жизни".

Внѣшнія проявленія горя, на которыя въ другихъ пьесахъ обыкновенно такъ много тратится мимики и словъ, здѣсь мгновенны, какъ вспышка молніи на мигъ освѣтившей ту пропасть, въ какую свергается душа, пораженная несчастіемъ, — и тьма скрываетъ домикъ со стеклянными окнами и все вокругъ. Больше, чѣмъ на мигъ душа не можетъ проникнуть въ тайны другой души...

В. Мировичъ.

„ИВАНОВЪ" НА СЦЕНѢ ХУДОЖЕСТВЕННАГО ТЕАТРА.

Странное впечатлѣніе оставляетъ эта пьеса— большое, но смутное, сложное. Есть въ этой сложности и горечь, и грусть величайшая, и капля какой-то радости.

Обыкновенный Чеховскій сюжетъ—„пропала жизнь..."

Пропала, какъ у дяди Вани, какъ у трехъ сестеръ, какъ у чайки—жизнь Иванова.

„...Любилъ, ненавидѣлъ, вѣрилъ не такъ какъ всѣ, работалъ, надѣялся за десятерыхъ"— и къ 35-ти годамъ не осталось ни любви, ни вѣры, ни дѣла въ жизни, ни одной надежды.

Въ чемъ тайна этого раззоренія, этого великаго несчастія, которое хуже смерти?

Ивановъ, какимъ является онъ у Качалова, подавленъ этой загадкой, томится ею больше, чѣмъ заботами и тяжелыми осложненіями своей личной жизни. Онъ сравниваетъ себя съ работникомъ Семеномъ, который взвалилъ себѣ на спину слишкомъ тяжелые мѣшки съ рожью и надорвался.

Но этотъ отвѣтъ такъ-же мало удовлетворяетъ его и зрителя, какъ примѣняемыя къ такимъ случаямъ ничего не говорящія слова— „психопатія", „неврастенія", „среда заѣла" и т. д.

Ивановъ самъ чувствуетъ, что дѣло не въ болѣзни и не въ растраченныхъ силахъ и не въ средѣ.

„Любовь—вздоръ, говоритъ онъ, въ трудѣ нѣтъ смысла, горячія рѣчи пошлы и стары"— и когда человѣкъ началъ такъ говоритъ, тогда приходитъ къ нему неврастенія и психопатія. Боркинъ овладѣваетъ хозяйствомъ и является возможность крикнуть умирающей женѣ „жидовка" и „ты скоро умрешь".

Но откуда же это безсиліе, это полное крушеніе вѣры въ себя и въ жизнь?

Тревога этой загадки разлита по всей пьесѣ.

Ивановъ, и кто его видитъ, какъ увидѣлъ Чеховъ и Качаловъ, какъ увидѣлъ зритель въ образѣ данномъ Чеховымъ и Качаловымъ, томятся горькимъ недоумѣніемъ:

Зачѣмъ это жить?

И когда выстрѣлъ въ концѣ пьесы прерываетъ ее, дѣлишь съ Ивановымъ радость его освобожденія.

„Проснулась во мнѣ молодость, заговорилъ прежній Ивановъ..." говоритъ онъ въ часъ своей смерти.

Черта неподкупной искренности, и совѣсти, приведшей Иванова къ револьверу въ день его свадьбы, плѣнительно передана артистомъ. И вообще ему удалось изъ этого образа, заклейменнаго и въ жизни, и въ литературѣ ярлыками „нытика", „неврастеника" и т. д. сдѣлать нѣчто чарующее.

Чувствуется душа, способная на великое, но потерявшая свой путь и съ этимъ путемъ потерявшая все.

Прекрасна сцена, гдѣ на мигъ Ивановъ вѣритъ въ возможность своего воскресенія и новой жизни.

— Жить? снова жить? говоритъ онъ, и лицо его озаряется непередаваемымъ выраженіемъ благодарности, надежды, счастья.

Но корни его жизни ранены глубоко, смертельно. И онъ, сознавъ это, не захотѣлъ ни самъ

влачить свою мертвую жизнь, ни связывать со своимъ прахомъ юное великодушное существо, жаждущее спасти его.

Эти мотивы отказа отъ Сашеньки, это тонкое благородство натуры, задыхающейся въ компромиссѣ, Качаловъ захотѣлъ подчеркнуть въ Ивановѣ больше, чѣмъ эгоизмъ больного, отравляющій тѣхъ, кто съ нимъ соприкасается.

Жену Иванова играла г-жа Книпперъ.

Не чувствуется въ ея игрѣ, что за человѣкъ эта Сара Абрамсонъ, о которой Ивановъ говоритъ, что она замѣчательная женщина, а графъ Шабельскій, что онъ „ни одному ея слову не вѣритъ".

Она хорошо кашляетъ, хорошо плачетъ, хорошо проводитъ истерическую сцену, гдѣ Ивановъ и она безсмысленно и тяжко оскорбляютъ другъ друга.

Но это все отдѣльныя сцены, не связанныя въ цѣльное отраженіе женской несчастной души, все поставившей на одну ставку и эту ставку проигравшей.

Г-нъ Станиславскій, въ роли стараго ramolli графа Шабельскаго, хорошъ безупречно.

Комизмъ положеній, представляющій моментами опасность впасть въ карикатуру, заслоненъ у него неумолкающей нотой старческой безпомощности и безпріютности, и образъ этотъ вмѣсто улыбки вызываетъ тоскливое ощущеніе жестокости жизни съ ея крикомъ: горе побѣжденнымъ!

Изъ побѣдителей, къ которымъ такъ подозрительно относился всегда Чеховъ, въ пьесѣ фигурируютъ трое Боркинъ, Лебедева и Бабакина.

Боркинъ—жизнеспособный, энергичный дѣлецъ, родственный Лопахину изъ Вишневаго сада, но болѣе откровенный въ своемъ нагломъ пользованіи случаемъ и обстоятельствами, болѣе жизнерадостный и болѣе пошлый въ своихъ вкусахъ.

Леонидовъ даетъ этотъ типъ въ нѣсколько вульгарныхъ краскахъ, мѣстами шаржируетъ.

Москвинъ былъ какъ будто не на своемъ мѣстѣ, въ роли д-ра Львова.

Докторъ Львовъ у Чехова не одушевленное существо, а фигура, олицетворяющая тупость прямолинейной честности. Этотъ матеріалъ оказался слишкомъ сухимъ и бѣднымъ для артиста.

Г-жа Торина внесла много молодости и увлеченія въ роль Сашеньки.

Это была просто молодая дѣвушка, чистая, наивно жаждующая дѣятельной любви.

Были въ игрѣ ея черточки, подсказанныя чутьемъ правды—такъ было въ сценѣ, гдѣ она говоритъ Иванову о любви и съ выраженіемъ радости, доходящей до боли и благоговѣйнаго страха прижимается къ нему.

Правдива она и въ полной негодованія сценѣ, гдѣ Ивановъ отказывается отъ нея.

Здѣсь выпрямляется въ ней вся ея мученическая жажда подвига, подломленная зрѣлищемъ смерти той души, которую она такъ жаждала спасти.

Остальныя дѣйствующія лица удачно передали атмосферу, въ которой разыгрывается драма души Иванова. И какъ живая встала эта среда скопидомства, сплетенъ, обломовщины и чудачества.

Большая вдумчивость чувствуется въ этой общей артистической работѣ, большая любовь къ дѣлу и въ частности любовь къ Чеховской пьесѣ. Къ молодой Чеховской пьесѣ, полной юношеской угловатости и недодѣланности здѣсь было внимательное, бережное отношеніе, какъ къ рѣдкому, драгоцѣнному, хотя и не отшлифованному камню.

Нужно-ли прибавлять о постановкѣ, что въ ней все художественно гармонируетъ съ героями пьесы, все звучитъ въ унисонъ съ настроеніями той, недавно ушедшей отъ насъ прекрасной и безутѣшно печальной души, которая всю жизнь тосковала „о жизни чистой, изящной, поэтической" и такъ мучительно чувствовала бѣдность и уродливость формъ обыденнаго существованія.

В. Мировичъ.

ДОКЛАДЪ ОРГАНИЗАЦІОННОЙ КОММИССІИ

по пересмотру Положенія объ управленіи Городскою Художественною Галлереей П. и С. М. Третьяковыхъ

3 декабря 1903 г., 1-го и 8-го марта и 27 августа 1904 г.

Въ собраніи Московской Городской Думы 14-го января 1903 года при разсмотрѣніи заявленія гласныхъ: С. Протопопова, А. Арманда, С. Коробова и Вл. Садомова объ измѣненіи §§ 12 и 18 Положенія объ управленіи Городскою Художественною Галлереей П. и С. М. Третьяковыхъ, произошли пренія, въ результатѣ которыхъ Московская Городская Дума, утвердивъ предложенное измѣненіе §§ 12 и 18, постановила также: просить Организаціонную Коммиссію пересмотрѣть Положеніе объ управленіи Городскою Художественною Галлереею П. и С. М. Третьяковыхъ съ цѣлью устраненія тѣхъ неясностей и недоразумѣній, которыя отмѣчены были гг. гласными въ собраніи Городской Думы.

Изъ прилагаемой при семъ выписки изъ стенографическаго отчета засѣданія Думы 14 января 1903 года (приложеніе 2-е) усматривается, что въ заключеніе означенныхъ преній предсѣдатель собранія заявилъ: „я поставлю вопросъ о пересмотрѣ „всего устава въ Организаціонной Коммиссіи“ и затѣмъ спросилъ собраніе: „угодно-ли передать весь уставъ въ Организаціонную „Коммиссію?“, послѣ чего въ отчетѣ записано, что „сдѣланное предложеніе принято“.

Руководствуясь этою записью стенографическаго отчета, Организаціонная Коммиссія въ засѣданіяхъ своихъ 18 апрѣля, 5 мая, 3 и 10 декабря 1903 года, 9 января, 1 и 8 марта и 27 августа 1904 года имѣла сужденіе по пересмотру Положенія объ управленіи Галлереей—въ полномъ его объемѣ.

Засѣданія Коммиссіи 18 апрѣля и 10 декабря 1903 года происходили при участіи членовъ Совѣта Городской Художественной Галлереи. Независимо отъ сего въ засѣданіяхъ Коммиссіи принимали участіе Товарищъ Городского Головы И. А. Лебедевъ, и гласные: А. И. Геннертъ, Н. И. Гучковъ, С. Н. Мамонтовъ, И. С. Остроуховъ, М. В. Челноковъ и Н. Н. Щепкинъ. Въ засѣданіи Коммиссіи 10 декабря 1903 года были выслушаны мнѣнія прибывшихъ, по особому приглашенію, А. Н. Бенуа и В. В. Верещагина.

В. М. Васнецовъ и И. Е. Рѣпинъ сообщили письменно свои заключенія по вопросамъ, интересовавшимъ Коммиссію.

Справки.

I. Выписка изъ домашняго отъ 16-го ноября 1888 года духовнаго завѣщанія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Михайловича Третьякова:....

Третье. Такъ какъ братъ мой Павелъ Михайловичъ Третьяковъ выразилъ мнѣ свое намѣреніе пожертвовать городу Москвѣ свою художественную коллекцію и въ виду сего предоставить въ собственность Московской Городской Думѣ свою часть дома, обще намъ принадлежащаго, состоящаго Якиманской части, въ приходѣ св. Николая, что въ Толмачахъ, гдѣ помѣщается его художественная коллекція, то и я часть этого дома, мнѣ принадлежащую, предоставляю въ собственность Московской Городской Думѣ, но съ тѣмъ, чтобы Дума приняла тѣ условія, на которыхъ братъ мой будетъ предоставлять ей свое пожертвованіе; въ противномъ случаѣ, т. е. если Дума не согласится принять въ свое владѣніе художественную коллекцію и домъ на условіяхъ, какія моимъ братомъ будутъ предложены.—моя часть Толмачевскаго дома должна поступить въ собственность тому учрежденію, которому мой братъ пожертвуетъ свою часть дома и художественную коллекцію.

Четвертое. Изъ художественныхъ произведеній, т. е. живописи и скульптуры, находящихся въ моемъ домѣ на Пречистенскомъ бульварѣ, прошу брата моего Павла Михайловича Третьякова взять для присоединенія къ своей коллекціи, дабы въ ней были образцы произведеній и иностранныхъ художниковъ, все то, что онъ найдетъ нужнымъ, съ тѣмъ, чтобы взятыя имъ художественныя произведенія получили то же назначеніе, какое онъ дастъ своей коллекціи.

Пятое. Въ томъ случаѣ, если Московская Городская Дума согласится принять на условіяхъ моего брата вышеобъясненное пожертвованіе, прошу душеприказчиковъ моихъ внести въ Московскую Городскую Управу въ теченіе двухъ лѣтъ со дня моей смерти пятипроцентными Восточнаго займа билетами еще 100.000 руб., проценты съ которыхъ должны быть употреблены на пріобрѣтеніе живописныхъ или скульптурныхъ произведеній русскихъ художниковъ для присоединенія этихъ произведеній къ принятой городомъ коллекціи. Какъ должны быть пріобрѣтаемы художественныя произведенія и каждый, или не каждый годъ,—предоставить усмотрѣнію Думы. Въ томъ случаѣ, если Дума отъ принятія въ свое владѣніе дома и коллекціи откажется, назначаемою мною суммою въ сто тысячъ рублей предоставить распорядиться для объясненной цѣли брату моему Павлу Михайловичу Третьякову по его усмотрѣнію, т. е. онъ долженъ

---

*) Печатаемъ настоящій докладъ, какъ интересный документъ, касающійся русскаго искусства и попеченія о немъ русскаго общества. Внимательный читатель найдетъ въ этомъ докладѣ много интереснѣйшихъ деталей, ярко характеризующихъ положеніе нашихъ художественныхъ дѣлъ.

Въ скоромъ времени, будетъ окончательно выработано и утверждено новое «положеніе» о третьяковской галлереѣ. Тогда мы предполагаемъ дать очеркъ «внутренней исторіи» этого «положенія».

Ред.

будетъ передать эту сумму тому учрежденію, какому онъ найдетъ возможнымъ пожертвовать домъ и художественную коллекцію".

II. Заявленіе коммерціи совѣтника Павла Михайловича Третьякова отъ 31 августа 1892 года. „Покойный братъ мой Сергѣй Михайловичъ въ оставленномъ имъ духовномъ завѣщаніи сдѣлалъ извѣстнымъ высказанное мною ему намѣреніе пожертвовать городу Москвѣ мою художественную коллекцію и съ своей стороны пожертвовалъ въ собственность города какъ принадлежащую ему половину дома, гдѣ помѣщается моя коллекція, въ Москвѣ, въ Лаврушинскомъ переулкѣ, въ приходѣ св. чуд. Николая, въ Толмачахъ, такъ и всѣ тѣ предметы изъ его личной коллекціи, которые я выберу для присоединенія къ моей,— при чемъ передача сего имущества и особаго фонда на пріобрѣтеніе въ будущемъ произведеній живописи и скульптуры обусловлена имъ принятіемъ Городскою Думою всѣхъ тѣхъ условій, которыя я найду необходимымъ предложить Московской Городской Думѣ. Озабочиваясь съ одной стороны скорѣйшимъ выполненіемъ воли моего любезнѣйшаго брата, а съ другой—желая способствовать устройству въ дорогомъ для меня городѣ полезныхъ учрежденій, содѣйствовать процвѣтанію искусствъ въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить на вѣчное время собранную мною коллекцію, нынѣ же приношу въ даръ Московской Городской Думѣ всю мою картинную галлерею со всѣми художественными произведеніями, подробная опись которой съ разцѣнкою отдѣльныхъ предметовъ имѣетъ быть составлена при передачѣ;—вмѣстѣ съ тѣмъ я передаю въ собственность города принадлежащую мнѣ половину дома на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Пожизненно я и моя жена Вѣра Николаевна сохраняемъ право пользоваться тѣмъ самымъ помѣщеніемъ въ жертвуемомъ домѣ, которое мы до сихъ поръ занимаемъ, при чемъ ремонтъ дома, содержаніе онаго и уплату повинностей принимаемъ на себя.

2. Я предоставляю себѣ право перестраивать имѣющіяся помѣщенія и вновь пристраивать съ тѣмъ, разумѣется, чтобы эти перемѣны не уменьшали стоимости имѣнія.

3. Галлерея помѣщается въ жертвуемомъ домѣ и должна быть открыта на вѣчное время для безплатнаго обозрѣнія ея всѣми желающими не менѣе четырехъ разъ въ недѣлю въ теченіе всего года, за исключеніемъ только того времени, когда необходимо нужно будетъ производить ремонтныя работы.

4. Въ праздничные и табельные дни галлерея должна быть открыта, за исключеніемъ перваго дня св. Пасхи, Рождества и Новаго года.

5. Первымъ попечителемъ пожизненно остаюсь я, а послѣ моей смерти пожизненно племянникъ мой Николай Сергѣевичъ Третьяковъ, послѣ же его смерти попечителя избираетъ Городская Дума.

6. Мнѣ пожизненно предоставляется право замѣнять одну картину другою, если въ видахъ улучшенія коллекціи я найду это необходимымъ, съ условіемъ лишь, чтобы общая стоимость коллекціи отъ сего не уменьшалась. Но это право никакъ не можетъ принадлежать будущимъ попечителямъ.

7. Въ домѣ никакихъ помѣщеній не отдавать внаймы; въ немъ могутъ жить только смотритель и необходимое для охраны число служителей, но и эти помѣщенія желательно устроить не въ связи съ помѣщеніями коллекцій.

8. Крѣпостной актъ на принадлежащую мнѣ часть дома я обязуюсь совершить послѣ согласія Думы принять даръ на выше объясненныхъ условіяхъ".

III. Постановленіе Московской Городской Думы отъ 15 сентября 1892 года:

1. Пожертвованіе по духовному завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника С. М. Третьякова и по заявленію коммерціи совѣтника П. М. Третьякова принять въ размѣрахъ и на условіяхъ, перечисленныхъ какъ въ духовномъ завѣщаніи С. М. Третьякова и дополняющемъ оное заявленіи сына его Н. С. Третьякова, такъ и въ заявленіи П. М. Третьякова, причемъ выразить Павлу Михайловичу и Николаю Сергѣевичу глубокую благодарность Городской Думы за ихъ пожертвованія на пользу г. Москвы.

2. Поручить Городской Управѣ принять жертвуемое и совершить крѣпостные акты на передаваемое въ собственность города недвижимое имущество, съ отнесеніемъ расходовъ по совершенію актовъ на счетъ города.

3. Ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о присвоеніи помѣщенію, въ которомъ будутъ находиться пожертвованныя художественныя коллекціи, наименованія „Городская художественная галлерея Павла и Сергѣя Михайловичей Третьяковыхъ".

IV. Постановленіе Московской Городской Думы 26 января 1893 года (журн. № 3, ст. 25—50): „ассигновать ежегодно по пяти тысячъ рублей на пріобрѣтеніе живописныхъ или скульптурныхъ произведеній для расширенія принятой городомъ коллекціи, присоединяя означенную сумму къ процентамъ съ капитала, поступающаго въ городъ согласно 5 пункту духовнаго завѣщанія С. М. Третьякова; обѣ эти суммы передать въ распоряженіе Павла Михайловича Третьякова для выше объясненной цѣли".

V. Выписка изъ домашняго отъ 6 сентября 1896 года духовнаго завѣщанія коммерціи совѣтника Павла Михайловича Третьякова: „. . . . . в) домъ въ Лаврушинскомъ переулкѣ рядомъ съ домомъ, принадлежащимъ городу, бывшій Степанова, передать въ собственность города для присоединенія къ дому, гдѣ находится художественная галлерея; г) домъ, находящійся въ томъ же переулкѣ, бывшій Крылова, передать также въ собственность города для устройства на томъ мѣстѣ безплатныхъ квартиръ для вдовъ, малолѣтнихъ дѣтей и незамужнихъ дочерей умершихъ художниковъ; д) собраніе древней русской живописи (иконы) и художественныя изданія, какія останутся въ моей квартирѣ, также принадлежащія мнѣ картины, могущія находиться въ квартирѣ или на выставкахъ, передать Московской Городской Художественной имени братьевъ Третьяковыхъ галлереѣ . . . . ж) паи, какія окажутся (кромѣ Нов. Костр. Льнян. мануфактуры), процентныя бумаги и другія цѣнности продать; получить состоящую въ долгу сумму за Товариществомъ Новой Костромской Льняной мануфактуры не сразу, а съ разсрочкой, по усмотрѣнію гг. душеприказчиковъ, получить также съ другихъ могущихъ быть моихъ должниковъ; всю вырученную сумму распредѣлить такъ: з) женѣ моей Вѣрѣ Николаевнѣ пятьсотъ тысячъ рублей; и) сыну моему Михаилу 200 тысячъ рублей въ пожизненное пользованіе процентами съ этой суммы; капиталъ внести въ какое-либо кредитное учрежденіе или пріобрѣсти процентныхъ бумагъ и учредить опеку. По смерти его капиталъ этотъ долженъ перейти въ

собственность города Москвы для учрежденія и содержанія пріюта для слабоумныхъ на столько лицъ, на сколько позволитъ этотъ капиталъ.....

b) Внести въ Московскую Городскую Думу: 200 тысячъ рублей для поддержанія процентами съ этого капитала существованія школы глухонѣмыхъ въ Москвѣ, при чемъ желательно бы было обусловить, чтобы въ Комитетѣ завѣдующимъ этимъ училищемъ (Арнольдовское училище для глухонѣмыхъ) было лицо, избираемое Городскимъ Управленіемъ; 100 тысячъ рублей для употребленія процентовъ на ремонтъ галлереи; 125 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе на проценты съ этой суммы живописныхъ и скульптурныхъ художественныхъ произведеній для пополненія коллекцій; 150 тысячъ рублей для устройства и содержанія на землѣ дома въ Лаврушинскомъ переулкѣ (бывшаго Крылова) безплатныхъ квартиръ для вдовъ и сиротъ русскихъ художниковъ (какъ выше сказано въ параграфѣ подъ буквой г)...

c) На стипендіи внести въ Совѣты: Московскаго Университета 15 тысячъ рублей, Московской Консерваторіи 15 тысячъ рублей, Московскаго Коммерческаго училища 15 тысячъ рублей, Александровскаго Коммерческаго училища 15 тысячъ рублей и Московскихъ мѣщанскихъ училищъ 30 тысячъ рублей; т) за всѣми этими выдачами весь остающійся капиталъ передать Московскому Купеческому Обществу для устройства мужской и женской богадѣленъ въ тѣхъ размѣрахъ, для какихъ будетъ достаточенъ капиталъ на устройство и содержаніе призрѣваемыхъ".

У того же завѣщанія рукою П. М. Третьякова сдѣлана 9 мая 1898 года нижеслѣдующая приписка: „Находя не полезнымъ и не желательнымъ для дѣла, чтобы художественная галлерея наполнялась художественными предметами послѣ моей смерти, такъ какъ собраніе и такъ уже велико и еще можетъ увеличиться, почему для обозрѣнія можетъ сдѣлаться утомительнымъ, да и характеръ собранія можетъ измѣниться, то я по сему соображенію назначенные въ пунктѣ р) въ Городскую Думу 125 тысячъ рублей для пріобрѣтенія на проценты художественныхъ предметовъ вмѣсто того опредѣляю на ремонтъ и содержаніе галлереи, совмѣстно съ суммою выше назначенною".

VI. Заявленіе К. В. Рукавишникова—отъ лица душеприкащиковъ П. М. Третьякова, высказанное 29 марта 1899 года въ особомъ совѣщаніи по вопросу объ организаціи управленія Городскою художественной галлереей П. и С. М. Третьяковыхъ (см. докладъ Московской Городской Управы отъ 28 мая 1899 года, № 111):

1. Художественное собраніе, переданное городу покойными братьями Павломъ и Сергѣемъ Михайловичами Третьяковыми, согласно воли П. М. Третьякова, выраженной въ собственноручной припискѣ, сдѣланной имъ на его духовномъ завѣщаніи, должно быть неприкосновенно и сохранено въ неизмѣнной цѣлости въ томъ составѣ и видѣ, какъ оно находится въ настоящее время, дабы характеръ этого собранія не подвергался какимъ-либо измѣненіямъ и былъ сохраненъ навсегда. Дальнѣйшее пополненіе и расширеніе галлереи должно совершаться вполнѣ обособленно и отнюдь не должно касаться коллекціи, составленной братьями Третьяковыми, которая должна образовать собой совершенно самостоятельный и законченный отдѣлъ. Для достиженія сего надлежитъ при входахъ въ залы, въ которыхъ размѣщены художественныя произведенія, собранныя покойными братьями Третьяковыми, установить надписи соотвѣтствующаго содержанія.

2. Во главѣ Городской художественной галлереи, составляющей гордость Москвы, долженъ стоять первый гражданинъ города — Городской Голова, которому и надлежитъ быть попечителемъ галлереи. Однако въ виду большой сложности прямыхъ обязанностей Городского Головы и особаго спеціальнаго значенія, которое имѣетъ разрѣшеніе вопросовъ о покупкѣ новыхъ произведеній искусствъ— управленіе художественной галлереей должно быть ввѣрено коллегіальному органу—Совѣту, предсѣдателемъ котораго долженъ быть попечитель галлереи—Городской Голова. Въ составъ Совѣта, кромѣ попечителя, входятъ четыре лица, одно лицо, избираемое семьей П. М. Третьякова, и три лица по избранію Городской Думы, въ числѣ коихъ долженъ быть хотя бы одинъ художникъ.

3. Повседневное наблюденіе за художественной галлереей и храненіе собранныхъ въ ней произведеній искусствъ слѣдуетъ ввѣрить особому лицу—хранителю галлереи, обладающему спеціальными знаніями.

Въ такомъ видѣ, по мнѣнію душеприкащиковъ покойнаго П. М. Третьякова, управленіе Городской художественной галлереей обезпечитъ не только цѣлость, но и дальнѣйшее правильное развитіе драгоцѣннаго художественнаго собранія и будетъ достойнымъ памяти покойнаго создателя этой галлереи.

VII. Соображенія по вопросу о порядкѣ храненія галлереи, высказанныя въ томъ же совѣщаніи 29 марта 1899 года.

Въ цѣляхъ сбереженія художественныхъ произведеній, собранныхъ въ галлереѣ, и охраненія ихъ отъ возможной случайной порчи и поврежденія надлежитъ установить безусловное и недопускающее никакихъ исключеній правило о томъ, чтобы ни одно изъ художественныхъ произведеній, находящихся въ галлереѣ, не вывозилось изъ галлереи на какія бы то ни было выставки или для иныхъ какихъ либо цѣлей.

Устанавливая такое правило, Городская Дума несомнѣнно обезпечила бы сохранность и цѣлость произведеній искусствъ, которыя собирались въ теченіе многихъ лѣтъ съ такой искренней любовью и глубокимъ пониманіемъ дѣла, оградивъ ихъ отъ всякихъ непредвидѣнныхъ случайностей, и тѣмъ самымъ исполнила бы свой долгъ въ отношеніи къ охраненію принесеннаго ей драгоцѣннаго дара. Вмѣстѣ съ тѣмъ при наличности широкаго и свободнаго доступа для обозрѣнія галлереи въ теченіе всего года, этой мѣрой едва ли будетъ нанесенъ какой либо ущербъ дѣлу распространенія и популяризаціи русскаго искусства.

По вопросу о дальнѣйшемъ пополненіи галлереи художественными произведеніями, въ совѣщаніи было высказано, что покойный П. М. Третьяковъ, собирая свою художественную коллекцію, выбиралъ лучшія произведенія русскаго искусства, представляя такимъ образомъ полное и совершенное собраніе талантливыхъ и наиболѣе типичныхъ произведеній, свидѣтельствующихъ о развитіи русскаго искусства,

Продолжая дѣло, начатое покойнымъ, Городское Общественное Управленіе въ настоящее время должно поставить

себѣ исключительной цѣлью при дальнѣйшемъ развитіи галлереи, пополнять ее лишь самыми талантливыми и типичными произведеніями русскихъ художниковъ, съ тою цѣлью, чтобы Московская художественная галлерея и въ будущемъ представляла собой тотъ нерушимый памятникъ, по которому всякій, любящій родное искусство, могъ бы прослѣдить пути его развитія по совершеннѣйшимъ образцамъ. Эта трудная цѣль могла бы быть достигнута лишь при томъ условіи, если порядокъ пріобрѣтенія новыхъ художественныхъ произведеній будетъ заключать въ себѣ достаточно гарантій того, что лица, коимъ будетъ ввѣрено пріобрѣтеніе новыхъ картинъ, будутъ на высотѣ своего призванія.

Предлагаемая организація управленія галлереей въ видѣ коллегіальнаго учрежденія, среди обязанностей котораго будетъ и пріобрѣтеніе новыхъ произведеній искусства для галлереи, представляетъ собой достаточно гарантій того, что галлерея будетъ пополняться лишь тѣми произведеніями, которыя соотвѣтствуютъ той идеѣ, которой руководствовался П. М. Третьяковъ. Гарантіи эти совѣщаніе усматриваетъ въ томъ, что Совѣтъ галлереи, въ составѣ котораго должны быть серьезные знатоки искусства, художники и, наконецъ, представители семьи покойнаго Павла Михайловича—будетъ далекъ отъ случайныхъ увлеченій мимолетными и скоропреходящими направленіями въ искусствѣ, а останется вѣрнымъ тѣмъ высокимъ традиціямъ и началамъ, которыя краснорѣчиво запечатлены въ художественномъ собраніи бр. Третьяковыхъ.

Въ тѣхъ же видахъ въ положеніи объ управленіи галлереей вводится правило о томъ, что вопросы о пріобрѣтеніи художественныхъ произведеній разрѣшаются въ утвердительномъ смыслѣ лишь въ томъ случаѣ, если за пріобрѣтеніе выскажутся не менѣе 3-хъ членовъ Совѣта.

Касаясь вопроса о порядкѣ пополненія галлереи новыми произведеніями, совѣщаніе полагаетъ, что тѣ же основанія, которыми долженъ руководиться Совѣтъ въ дѣлѣ покупки новыхъ картинъ, должны лежать и при разрѣшеніи вопросовъ о принятіи въ галлерею жертвуемыхъ картинъ и другихъ произведеній искусства. Въ отношеніи принятія пожертвованій для галлереи совѣщаніе полагаетъ, что слѣдовало бы быть особенно осмотрительнымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы этимъ путемъ въ галлерею не вводились картины по своему значенію и достоинству, не соотвѣтствующія существующей художественной коллекціи. Имѣя же въ виду, что среди возможныхъ пожертвованій могутъ быть весьма старинныя произведенія, относящіяся къ отдаленнымъ эпохамъ и представляющія собой спеціальный видъ художественныхъ произведеній, представляется желательнымъ, чтобы Совѣту, состоящему при галлереѣ, было предоставлено широкое право приглашать на его совѣщанія свѣдущихъ лицъ, спеціальныя познанія коихъ могли бы быть полезными при разрѣшеніи того или иного спеціальнаго вопроса.

Въ виду того, что художественная галлерея представляетъ собой собраніе произведеній русскаго искусства, то и дальнѣйшее пополненіе должно быть только произведеніями русскаго искусства, поэтому покупка картинъ иностранныхъ художниковъ не должна быть допускаема. Однако, въ виду того, что въ галлереѣ имѣется небольшая коллекція иностранныхъ художниковъ, переданная городу С. М. Третьяковымъ, въ завѣщаніи высказано было, что не представляется основаній отказывать въ пріемѣ въ галлерею жертвуемыхъ картинъ иностранныхъ художниковъ, конечно,—при условіи, чтобы эти картины удовлетворяли всѣмъ требованіямъ, косорыя должны быть предъявляемы къ каждому произведенію искусства, принимаемому въ художественную галлерею, и чтобы произведенія иностранныхъ художниковъ были помѣщаемы отдѣльно отъ коллекцій русскаго искусства.

VIII. Соображенія объ организаціи Совѣта, состоящаго при Городской художественной галлереѣ (докладъ Городской Управы 28 мая 1899 года № 111).

Предполагая ввести въ составъ Совѣта лицо по избранію семьи покойнаго П. М. Третьякова, совѣщаніе руководствовалось тѣми соображеніями, что семья покойнаго, свято храня завѣты создателя галлереи, поможетъ сохранить и укрѣпить идеи и традиціи Павла Михайловича, преподавъ ихъ для руководства въ вопросѣ о пополненіи галлереи новыми произведеніями искусства. Совѣщаніе, кромѣ сего, полагаетъ, что семьѣ покойнаго могло бы доставить глубокое утѣшеніе сохранить неразрывную связь съ учрежденіемъ, которому покойнымъ П. М. было отдано столько силъ и талантовъ.

По этимъ соображеніямъ является безусловно желательнымъ, чтобы семья покойнаго Павла Михайловича Третьякова имѣла своего представителя въ составѣ Совѣта.

Въ отношеніи къ членамъ Совѣта, избираемымъ Городской Думой, по мнѣнію совѣщанія, было бы желательно установить принципъ очереднаго выбыванія въ теченіе каждаго года избираемыхъ Городской Думой членовъ. Такое очередное выбытіе членовъ Совѣта придало бы большую устойчивость всему Совѣту, служеніе членовъ котораго должно подчиняться общимъ правиламъ, установленнымъ для должностныхъ лицъ, служащихъ по выборамъ, т. е. быть срочными. Предполагая срокъ службы членовъ Совѣта установить трехлѣтній, слѣдовало бы установить такой порядокъ, чтобы въ первый годъ избранія Городской Думой членовъ Совѣта жребіемъ былъ опредѣленъ порядокъ ихъ выбытія.

Такимъ образомъ имѣющій образоваться Совѣтъ галлереи на текущій избирательный періодъ долженъ опредѣлить жребіемъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые подлежатъ переизбранію въ теченіе остающихся лѣтъ нынѣшняго избирательнаго періода. Въ случаѣ выбытія члена Совѣта до истеченія срока службы, вновь избранный членъ Совѣта дослуживаетъ тотъ срокъ, который оставался по должности замѣненнаго лица.

Непосредственный и фактическій надзоръ и исполненіе постановленій Совѣта, касающихся художественной коллекціи, должно составлять, по мнѣнію совѣщанія, обязанность особаго лица. Лицо это, обладая спеціальными знаніями въ области искусства въ отношеніи къ художественной галлереѣ, должно занимать положеніе хранителя со всѣми обязанностями, сопряженными съ этой должностью.

IX. Въ собраніи Московской Городской Думы 1—8 іюня 1899 года (журн. № 12, ст. 9—274) утверждено „Положеніе объ управленіи Городскою художественною галлереей П. и С. М. Третьяковыхъ“, дополненное (§§ 12 и 18) постановленіемъ Думы 14 января 1903 года (см. приложеніе 1-е).

X. На пріобрѣтеніе новыхъ художественныхъ произведеній въ распоряженіи Городского Управленія нынѣ имѣются:

а) капиталъ, пожертвованный по духовному завѣщанію С. М. Третьякова—132.860 рублей въ $4^1/_2$% облигаціяхъ займа г. Москвы, приносящій ежегоднаго дохода 5.677 руб. 20 коп.;

б) ежегодно ассигнуемая сумма въ 5.000 рублей—по постановленію Думы отъ 26 января 1893 года (выше, справка IV);

в) ежегодно ассигнуемая сумма въ 10.000 рублей—по постановленію Думы отъ 7 декабря 1899 года „для увѣковѣченія памяти почетнаго гражданина города Москвы Павла Михайловича Третьякова".

XI. По заявленію члена Совѣта галлереи А. П. Боткиной относительно порядка составленія и печатанія журналовъ Совѣта галлереи, равно какъ созыва означеннаго Совѣта не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, состоялся докладъ Коммиссіи по разсмотрѣнію жалобъ отъ 1 апрѣля 1904 года за № 123 и Думою въ собраніи 8 іюня 1904 года постановлено: передать соображенія, высказанныя въ докладѣ № 123—1904 года, въ Организаціонную Коммиссію и просить ее принять ихъ во вниманіе при составленіи новаго Положенія объ управленіи Городскою художественною галлереей П. и С. М. Третьяковыхъ. На этомъ основаніи Организаціонной Коммиссіей приняты во вниманіе по подлежащимъ вопросамъ соображенія Коммиссіи по разсмотрѣнію жалобъ.

Соображенія: Приступивъ къ пересмотру дѣйствующаго „Положенія" въ полномъ его объемѣ,—согласно возложенному Городскою Думою на Коммиссію порученія,—Коммиссія прежде всего остановилась на томъ соображеніи, что неясному пониманію „Положенія" и возникающимъ отсюда недоразумѣніямъ не мало содѣйствуетъ, помимо другихъ причинъ, его недостаточно выдержанная система и терминологія,—почему въ задачу пересмотра должно войти посильное усовершенствованіе Положенія въ указанныхъ двухъ отношеніяхъ. Не стѣсняясь теперешнимъ расположеніемъ матеріала въ Положеніи, надлежитъ, въ предѣлахъ необходимости, преобразовать его систему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, держаться единообразія въ употребленіи избранныхъ терминовъ. По существу же возникшихъ недоразумѣній на первомъ планѣ возникаетъ вопросъ *о составѣ*, который долженъ быть присвоенъ Городской Художественной Галлереѣ П. и С. М. Третьяковыхъ. Въ дѣйствующемъ Положеніи по этому предмету постановлено, что „галлерея состоитъ изъ собранія, *переданнаго* городу П. и С. М. Третьяковыми, имѣющаго „*пополняться* вновь пріобрѣтаемыми художественными произведеніями" (§ 3), что „собраніе, „составленное П. и С. М. Третьяковыми, *не подлежитъ* никакимъ измѣненіямъ, увеличеніямъ, „сокращеніямъ или замѣнамъ и составляетъ „*самостоятельный* отдѣлъ галлереи, размѣщенный въ *особыхъ* залахъ въ томъ *видѣ и порядкѣ*, „какъ было устроено П. М. Третьяковымъ", причемъ „надъ входами въ залы, гдѣ размѣщено художественное собраніе П. М. Третьякова, устанавливаются *надписи* соотвѣтствующаго содержанія" (§ 4). Такимъ образомъ предопредѣляется *двойственный* составъ галлереи, которую образуютъ, съ одной стороны, собраніе, П. и С. М. Третьяковыхъ, а съ другой—вновь пріобрѣтаемыя произведенія. Существенно важно установить правильное отношеніе между этими двумя элементами галлереи; воля ея основателей и жертвователей должна при этомъ дать главнѣйшія руководящія указанія. Историческая справка показываетъ, что въ основаніи пріобрѣтенія галлереи городомъ лежитъ два акта: духовное завѣщаніе скончавшагося въ 1892 году С. М. Третьякова и вызванное оглашеніемъ сего завѣщанія заявленіе П. М. Третьякова отъ 31 августа 1892 года: пожертвованіе принято городскимъ управленіемъ *на условіяхъ*, перечисленныхъ въ этихъ актахъ (справка III *). Изъ содержанія этихъ условій усматривается: а) что С. М. Третьяковъ пожертвовалъ принадлежащую ему часть дома *съ тѣмъ, чтобы Дума приняла тѣ условія, на коихъ состоится пожертвованіе П. М. Третьякова*; б) что онъ же, С. М. Третьяковъ, назначеніе пожертвованной имъ коллекціи художественныхъ произведеній подчинилъ тому назначенію, *какое П. М. Третьяковъ дастъ своей коллекціи*; в) что рядомъ съ этимъ С. М. Третьяковъ оставилъ особый капиталъ на *пріодрѣтеніе* произведеній русскихъ художниковъ *для присоединенія* этихъ произведеній къ принятой Городской галлереѣ; и г) что П. М. Третьяковъ въ своемъ заявленіи обошелъ молчаніемъ вопросъ о дальнѣйшемъ расширеніи галлереи; но въ бытность свою первымъ попечителемъ Городской Художественной Галлереи П. М. Третьяковъ распространялъ галлерею путемъ пріобрѣтенія новыхъ произведеній какъ на свои личныя средства, такъ и на предоставленныя на сей предметъ средства С. М. Третьякова и Городского Управленія (справка IV). Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что посильное расширеніе галлереи путемъ обогащенія ея новыми художественными произведеніями входило при самомъ пожертвованіи въ планъ жертвователей, такъ что въ подобномъ расширеніи нельзя было бы усмотрѣть какого-либо нарушенія условій, на которыхъ пожертвованіе было городомъ принято. Но разрѣшаемый такимъ образомъ вопросъ нѣсколько усложняется въ виду обстоятельствъ, наступившихъ позднѣе. Именно, по кончинѣ П. М. Третьякова обнаружилось, что онъ, назначивъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи особый

*) Въ постановленіи Городской Думы отъ 15 сентября 1892 г. упоминается еще третій актъ, а именно дополнительное заявленіе Н. С. Третьякова, но оно, касаясь лишь размѣра жертвуемыхъ суммъ, принципіальнаго значенія въ данномъ вопросѣ не имѣетъ.

капиталъ на „пріобрѣтеніе художественныхъ „произведеній для пополненія коллекцій“, дополнительною припискою отмѣнилъ это распоряженіе, находя „не полезнымъ и не желательнымъ для дѣла, чтобы художественная галлерея пополнялась художественными предметами послѣ моей смерти, такъ какъ собраніе и „такъ уже велико и еще можетъ увеличиться, „почему для обозрѣнія можетъ сдѣлаться утомительнымъ, да и характеръ собранія можетъ „измѣниться“. Съ юридической точки зрѣнія нельзя было бы придавать этому посмертному указанію значеніе какого либо новаго *условія* пожертвованія, которое состоялось окончательно нѣсколько лѣтъ тому назадъ на условіяхъ, тогда уже опредѣленныхъ; однако уваженіе къ послѣдней волѣ покойнаго, бывшаго основателемъ галлереи не позволяло городу оставить безъ вниманія сдѣланное указаніе. Вотъ источникъ, изъ котораго при первоначальномъ начертаніи „Положенія“ родилась мысль о необходимости такъ или иначе оттѣнить самостоятельный характеръ основной коллекціи въ общемъ составѣ галлереи, не отказываясь въ то же время отъ дальнѣйшаго роста галлереи. Обсуждая эту сторону даннаго вопроса заново, Организаціонная Коммиссія, въ засѣданіи своемъ 3 декабря 1903 г., пришла, съ своей стороны, къ тому заключенію, что уваженіе къ послѣдней волѣ покойнаго Павла Михайловича Третьякова *нравственно обязываетъ* городское управленіе не давать городскимъ средствамъ назначенія, нарушающаго смыслъ приписки, сдѣланной П. М. въ его духовномъ завѣщаніи, почему предустановленное приговоромъ Московской Городской Думы отъ 7-го декабря 1899 года ассигнованіе суммъ на пріобрѣтеніе произведеній для „расширенія“ Городской Художественной Галлереи не должно имѣть своимъ послѣдствіемъ *включеніе* вновь пріобрѣтаемыхъ произведеній въ составъ художественнаго собранія П. и С. М. Третьяковыхъ, которое должно считаться законченнымъ ко дню кончины П. М. Что же касается до процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Сергѣемъ Михайловичемъ Третьяковымъ по его духовному завѣщанію на пріобрѣтеніе художественныхъ произведеній русскихъ художниковъ и усиленнаго по приговору Думы 26 января 1893 года, то, по заключенію Организаціонной Коммиссіи, расходованіе сихъ средствъ должно происходить, согласно посмертной волѣ С. М., подъ условіемъ *присоединенія* купленныхъ произведеній къ основной коллекціи; но смыслъ этого условія, не обязывая къ включенію купленныхъ произведеній въ составъ означенной основной коллекціи, допускаетъ расположеніе ихъ въ особыхъ помѣщеніяхъ Московской Городской Художественной Галлереи П. и С. М. Третьяковыхъ, каковыя помѣщенія должны быть означены соотвѣтствующими надписями.

Сообразно симъ заключеніямъ въ представляемомъ при семъ проектѣ „Положенія“ изложены §§ 1 и 2, имѣющіе замѣнить собою §§ 3, 4 и 5 нынѣ дѣйствующаго Положенія:

Дѣйствующая редакція.	**Проектъ.**
§ 3. Городская Художественная Галлерея состоитъ изъ собранія, переданнаго городу П. и С. М. Третьяковыми, имѣющаго пополняться вновь пріобрѣтаемыми художественными произведеніями.	§ 1. Основаніе Городской Художественной Галлереи составляетъ собраніе, переданное городу П. и С. М. Третьяковыми. Собраніе это въ томъ составѣ, какой оно имѣло ко дню кончины П. М. Третьякова, не подлежитъ никакимъ измѣненіемъ — увеличеніямъ, сокращеніямъ или замѣнамъ, оставаясь размѣщеннымъ по заламъ въ томъ общемъ видѣ и порядкѣ, какъ было устроено П. М. Третьяковымъ.
§ 4. Собраніе, составленное П. и С. М. Третьяковыми, не подлежитъ никакимъ измѣненіямъ, увеличеніямъ, сокращеніямъ или замѣнамъ и составляетъ самостоятельный отдѣлъ галлереи, размѣщенный въ особыхъ залахъ, въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ было устроено П. М. Третьяковымъ.	Надъ входами въ залы этого собранія устанавливаются соотвѣтствующія надписи.
Надъ входами въ залы, гдѣ размѣщено художественное собраніе П. М. Третьякова, устанавливаются надписи соотвѣтствующаго содержанія.	§ 2. Къ основному собранію (§ 1) присоединяются, составляя особые отдѣлы Галлереи, художественныя произведенія, пріобрѣтаемыя на средства, отказанныя С. М. Третьяковымъ по его духовному завѣщанію, а также и на средства, назначаемыя для сего Городскимъ Управленіемъ или посторонними жертвователями. Эти пріобрѣтенія, равно какъ пожертвованныя произведенія искусства, безъ включенія ихъ въ составъ основного собранія Городской Художественной Галлерей П. и С. М. Третьяковыхъ, располагаются въ ея особыхъ помѣщеніяхъ, означенныхъ соотвѣтствующими надписями.
§ 5. Городская Художественная Галлерея можетъ быть пополняема путемъ пріобрѣтенія произведеній искусствъ и полученіемъ ихъ въ даръ.	

При формулированіи § 1-го проекта было принято во вниманіе, что въ понятіе „галереи“ входятъ не только художественныя произведенія въ той или другой ихъ совокупности, но и самое *размѣщеніе* сихъ произведеній въ данныхъ залахъ. Посему въ Положеніи надлежитъ охранить неприкосновенность основного собранія и въ этомъ отношеніи. Однако, съ другой стороны, при опредѣленномъ въ основѣ признаніи художественной законченности и неприкосновенности основной коллекціи, не исклю-

чается возможность тѣхъ или иныхъ незначительныхъ, временныхъ отступленій, вызываемыхъ главнымъ образомъ соображеніями практическаго характера, при чемъ, однако, подобныя отступленія должны являться дѣйствіями исключительными, не колеблющими твердо установленнаго основного правила. Эта мысль, по мнѣнію большинства Коммиссіи, находитъ себѣ достаточное выраженіе въ томъ указаніи § 1, что художественное собраніе, составляющее основаніе галлереи, должно оставаться размѣщеннымъ по заламъ въ томъ *общемъ* видѣ и порядкѣ, какъ было устроено П. М. Третьяковымъ. По мнѣнію же меньшинства Коммиссіи, въ видахъ приданія правилу § 1-го болѣе строгаго характера слѣдовало бы вовсе исключить изъ его текста слово „общемъ".

Въ § 2-мъ проекта излагается основное начало, опредѣляющее положеніе новаго собранія въ общемъ составѣ галлереи.

Слѣдующіе два параграфа (§§ 3 и 4) проекта представляютъ собою почти дословное повтореніе §§ 8 и 9 въ дѣйствующей ихъ редакціи:

Дѣйствующая редакція.	**Проектъ.**
§ 8. Городская Художественная Галлерея можетъ быть пополняема путемъ покупки исключительно произведеніями русскаго искусства. Произведенія иностраннаго исскуства допускаются лишь въ видѣ пожертвованій.	§ 3. Путемъ упомянутыхъ пріобрѣтеній (§ 2) Городская Художественная Галлерея обогащается исключительно произведеніями русскаго искусства; но въ видѣ пожертвованій принимаются и произведенія иностраннаго искуства.
§ 9. Ни одно изъ произведеній искусствъ, находящихся нынѣ въ Художественной Галлереѣ и имѣющихъ туда поступить, не должно быть выносимо изъ помѣщенія галлереи для какихъ бы то ни было цѣлей, кромѣ нуждъ реставраціи.	§ 4. Ни одно изъ произведеній искусствъ, находящихся нынѣ въ Галлереѣ и имѣющихъ туда поступить, не должно быть выносимо изъ помѣщенія Галлереи для какихъ бы то ни было цѣлей, кромѣ нуждъ реставраціи.

Оба постановленія (§§ 3 и 4 проекта) достаточно оправдываются соображеніями, приведенными выше въ справкѣ VII.

Изложенными постановленіями (§§ 1 — 4 проекта) исчерпывается вопросъ о составѣ галлереи; рядомъ съ ними во главѣ Положенія слѣдуетъ, по мнѣнію Коммиссіи, изложить постановленія касательно *назначенія* галлереи и порядка *пользованія ею*, насколько таковыя постановленія вытекаютъ *изъ условій, на которыхъ состоялся переходъ галлереи городу*. Эти постановленія (§§ 5 и 6 проекта) соотвѣтствуютъ § 24 дѣйствующей редакціи.

Дѣйствующая редакція.	**Проектъ.**
§ 24. Совѣтъ устанавливаетъ порядокъ пользованія галлерей при обозрѣніи ея публикой, руководствуясь для сего слѣдующими положеніями: а) галлерея должна быть открыта на вѣчное время для безплатнагб обозрѣнія всѣми желающиии не менѣе 4 дней въ недѣлю въ теченіе всего года, за исключеніемъ только того времени, когда производятся ремонтныя работы; б) въ праздничные и табельные дни галлерея должна быть открыта, за исключеніемъ перваго дня св. Пасхи, Рождества и Новаго года.	§ 5. Галлерея открыта на вѣчное время для безплатнаго обозрѣнія всѣми желающими, § 6. Галлерея открыта 6 дней въ недѣлю въ теченіе всего года, за исключеніевъ только того времени, когда производятся ремонтныя работы, а также перваго дня св. Пасхи, Рождества Христова и Новаго гсда, и четверга, пятницы и субботы Страстной недѣли. Въ остальные праздничные и табельные дни Галлерея должна быть открыта.

Въ § 5 проекта воспроизводится условіе пожертвованія, изложенное въ п. 3 заявленія П. М. Третьякова отъ 31 августа 1892 года.

Въ § 6 проекта излагается правило, соотвѣтствующее пп. 3 и 4 того же заявленія. Дѣйствующая редакція § 24 ограничивалась буквальнымъ воспроизведеніемъ условій пожертвованій, предоставляя управленію галлереей ближайшее опредѣленіе времени ея открытія въ предѣлахъ соблюденія условій пожертвованія. Но, какъ было замѣчено покойнымъ гласнымъ М. В. Духовскимъ (приложеніе 2-е), постановленіе § 24 Положенія представляетъ изъ себя существенное ограниченіе права публики на обозрѣніе галлереи. Многіе музеи открыты ежедневно; въ Москву пріѣзжаетъ масса лицъ на два—три дня и рискуетъ не видѣть галлереи, если управленіе галлереей воспользуется предоставленнымъ ему правомъ держать галлерею закрытою три дня въ недѣлю. Организаціонная Коммиссія, съ своей стороны, сочла вполнѣ основательнымъ, въ цѣляхъ наиболѣе широкаго и свободнаго доступа публики для обозрѣнія галлереи, способствующаго распространенію и популяризаціи русскаго искусства, ввести въ самое Положеніе правило объ *обязательномъ* открытіи галлереи *шесть* дней въ недѣлю въ теченіе всего года, за исключеніемъ страстной недѣли, когда галлерея закрывается въ четвергъ, пятницу и субботу.

Такимъ образомъ первые шесть параграфовъ проекта, подъ общимъ заглавіемъ „общія постановленія", составятъ собою первую часть Положенія", обнимая собою основныя условія существованія галлереи сообразно условіямъ, установленнымъ при передачѣ этого учрежденія городу. Такъ какъ эти общія постано-

вленія относятся къ предметамъ, выходящимъ за кругъ обычнаго понятія объ „управленіи“ галлереей, то и самое Положеніе не должно называться Положеніемъ объ „управленіи“ галлереей; приличнѣе наименовать этотъ актъ просто „Положеніемъ о Городской художественной галлереѣ П. и С. М. Третьяковыхъ“.

Вторая часть Положенія должна содержать въ себѣ сводъ правилъ объ *управленіи* галлереей—объ органахъ этого управленія и порядкѣ ихъ дѣятельности. Возникшее недоумѣніе касается вопроса о порядкѣ избранія и о положеніи попечителя галлереи и объ отношеніи его къ прочимъ органамъ управленія галлереи. На первомъ планѣ надлежитъ отмѣтить, что званіе попечителя галлереи предусмотрѣно въ условіяхъ дарственнаго заявленія П. М. Третьякова, по мысли котораго „попечителя избираетъ Городская Дума“ (п. 5). Такая формулировка одного изъ основныхъ условій пожертвованія, которое есть въ то же время и условіе дара, сдѣланнаго С. М. Третьяковымъ (ибо С. М. совершилъ свой даръ на условіяхъ пожертвованія П. М.), указываетъ, что попечитель, *какъ таковой*, подлежитъ особому избранію Городской Думы. Посему непремѣнное соединеніе званія попечителя съ званіемъ Городского Головы, какъ это установлено въ дѣйствующемъ Положеніи (§ 2), является, по мнѣнію Коммиссіи, несоотвѣтствующимъ истинной волѣ жертвователей, которые, какъ надо думать, имѣли въ виду, что званіемъ попечителя галлереи будетъ облекаться каждый разъ излюбленное Думою лицо *по особому ея избранію*; разумѣется, этимъ отнюдь не исключалась возможность избранія на эту должность и лица, занимающаго мѣсто Городского Головы. Руководствуясь изложеннымъ, Организаціонная Коммиссія пришла къ тому заключенію, что смыслу пятаго пункта главныхъ основаній, на которыхъ состоялась передача художественной галлереи городу, болѣе соотвѣтствуетъ *особое избраніе* Городскою Думою лица на должность попечителя галлереи.—За симъ возникаетъ вопросъ о томъ,—долженъ ли попечитель, въ качествѣ единоличнаго органа, сосредоточить въ себѣ всю совокупность власти по управленію галлереей, или же эта власть можетъ и должна быть раздѣлена, какъ это существуетъ и по дѣйствующему Положенію, съ Совѣтомъ. Въ условіяхъ пожертвованія нѣтъ оговорки, которая устраняла бы рядомъ съ должностью попечителя коллегіальное учрежденіе въ образѣ Совѣта; Городское же Управленіе, изыскивая всѣ мѣры къ тому, чтобы, съ одной стороны, неприкосновенно сохранить безцѣнный даръ, а съ другой—обезпечить этому городскому учрежденію и въ той части, которая имѣетъ быть созидаема городомъ, высокое значеніе національнаго музея, издавна присвоенное ему въ глазахъ русскаго общества,—правильно полагало, уже при первоначальномъ начертаніи Положенія, что означенныя цѣли могутъ быть наилучше достигнуты возложеніемъ завѣдыванія учрежденіемъ не на одно лицо, а на коллегію, составляемую изъ компетентныхъ лицъ по избранію Городской Думы. Такимъ образомъ главнымъ основаніямъ, на которыхъ состоялась передача художественной галлереи городу, не противорѣчитъ существованіе при попечителѣ галлереи особаго Совѣта, а польза дѣла этого требуетъ. Организаціонная Коммиссія должна при этомъ отмѣтить, что и гг. художники, мнѣніе которыхъ она имѣла случай выслушать по этому предмету, согласно высказались въ интересахъ пользы дѣла, за коллегіальный способъ управленія галлереей. Управленію галлереей слѣдуетъ противоположить непосредственное *наблюденіе* за нею въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія; таковое наблюденіе есть обязанность особаго лица,—хранителя, подчиненнаго Совѣту.

По изложеннымъ соображеніямъ вступительному параграфу (§ 7) второй части Положенія Коммиссія предположила дать слѣдующее изложеніе:

Дѣйствующая редакція.	**Проектъ.**
§ 1. Городская Художественная Галлерея П. и С. М. Третьяковыхъ состоитъ въ вѣдѣніи Московскаго Городского Общественнаго Управленія. Завѣдываніе Галлереей принадлежитъ попечителю и Совѣту, состоящему при галлереѣ.	§ 7. Управленіе Городскою Художественною Галлереею П. и С. М. Третьяковыхъ возлагается на попечителя и Совѣтъ Галлереи. Ближайшее непосредственное наблюденіе за Галлереей лежитъ на ея хранителѣ.
§ 10. Ближайшее и непосредственое наблюденіе за Городской Художественной Галлереей лежитъ на ея хранителѣ, въ распоряженіи котораго имѣется штатъ прислуги.	

Нѣтъ надобности упоминать въ Положеніи ни о томъ, что Городская Галлерея состоитъ „въ вѣдѣніи Московскаго Городского Общественнаго Управленія“, ни о томъ, что въ распоряженіи хранителя „имѣется штатъ прислуги“.—Отдѣлъ постановленій о попечителѣ галлереи (§§ 8—11) предполагается изложить въ слѣдующемъ видѣ: